

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ

Виктор ПАВЕЛИН

1. Школа

Отец Василий Иванович остался сиротой, самостоятельно пробивал путь в жизни. В империалистическую войну тянул лямку солдата. Потом крестьянствовал. В доме появился достаток. За это и за то, что дед содержал торговую лавку с разными хозяйственными товарами, отца раскулачили и отправили в нарождающийся Магнитогорск.

Мать с семью детьми оставили в деревне, но она последовала за отцом. Тогда и ее причислили к разряду сыльных, отбрав дом, живность и имущество. Поселили в палатку на одиннадцатом участке, где с осени до зимы мерзли до костей. Перевезли в барак Немецкого поселка, а дальше — в поселок Лермонтова (ныне так называемые «Ленинские горки»), потом переселили в четвертый барак, а затем в № 29 по Центральной улице Центрального поселка. В последнем и жил с мамой до конца 1943 года. Улица полностью соответствовала своему названию: тут изо всех областей жили русские, украинцы, татары, чуваш и другие. Взрослых под конвоем уводили на работу. Недолго с нами пожил отец. От непосильного труда и голода умер в июне 1932 года. Мама одна воспитывала детей.

Центральный поселок расположился на южной оконечности горы Магнитной. Помню густые травы у барачков, в небе — жаворонки, ястребы, даже летали куропатки. А за новой комендатурой, построенной на пригорке, собирали грибы. Людям предоставляли рабскую, полутрудовую жизнь. В первое время поселок охраняли часовые...

Хочу, однако, рассказать не о тяжелой доле спецпереселенцев, а о том, как дети становились взрослыми. В 1937 году я стал первоклассником школы № 18, которая находилась на окраине поселка. Дальше — плотина, принимающая глинистую воду от промывки россыпных железных руд на рудообогатительной фабрике. В тот, а также и в следующий год, у входа в поселок стояли высокие ворота, на которых размещался большой портрет Ежова. Мы нередко слышали из материнских разговоров: «Ночью снова приезжала черная машина и кого-то увезла». Из нашего барака, например, забрали не только глав семейства, но и некоторых взрослых парней. В то же время у комендатуры часто проходили митинги, организуемые режимом, на которых клеймили «врагов народа», а порой некоторым спецпереселенцам, активистам советской власти, давали свободу с правом выезда или для поступления в техникум и институт.

Итак, я первоклассник. Помню,

лежим на койке с братом Николаем, который уже учился в пятом классе. Он заучивает наизусть:

*Славная осень!
Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший
на речке студеной
Словно как тающий сахар
лежит...*

Мать, уходя на работу, распределяла на день каждому сахарный песок, который с хлебом и водой утолял голод. Достатка в семье не было.

— Гм... — перебиваю его. — Так себе и лежит сахар. Как он может лежать на льду?

— Замолчи, — злится он, — и снова начинает повторять стихи.

— Если бы он лежал, — не умолкая я, — то мы бы его давно подобрали.

Далее брат продолжал из «Железной дороги» Н. А. Нерасова:

*Нет безобразья в природе!
И кочи,
И моховые болота, и пни...*

С особым удовольствием он остановился на слове «пни» и пнул меня ногой. Так повторялось несколько раз. Терпел. Стихи запомнил. И когда он при повторении подходил к слову «пни», я старался первым пнуть его ногой (Николая мобилизовали на фронт, когда он учился в индустриальном техникуме. Прошел войну на передовых позициях, пули миновали. В 1964 году трагически погиб на сороковой день после смерти матери).

Вела у нас уроки по четвертый класс учительница Панарина. Мы ее уважали и внимательно слушали сказанное ею. Утром до школы добирались без приключений. После уроков баловались, как могли. Кидались портфелями, а зимой на них катались с горки. Все же ощущали суровый быт. Так, на салазках в школу и из нее возили Зину Порфирьеву — истощенную, слабую девочку. Не закончив начальной школы, она умерла.

С учебниками и письменными принадлежностями было туго. Поступило указание замазать чернилами Тухачевского, Блюхера и других «врагов народа». В 1937 году принималась новая (сталинская) Конституция. Нам, ученикам, поручили распространять ее текст по дешевой цене. За определенное количество реализованных брошюр полагалась бесплатная тетрадка. Учиться хотелось, а без тетрадей было не обойтись. Ходил я из барака в барак, чтобы продать эти тоненькие книжечки. Покупали неохотно и мало. В одном из барачков жила мать с сыном, звали его Теняем. Кто-то распространил слух, что он бандит. Его боялись и комнату обходили. «Раз

бандит, значит, и деньги у него есть», — подумал я. Постучал в дверь. Открыл Теня. Предложил ему брошюры. «Возьми рубль и убирайся!» — злобно проговорил он. Я, конечно, поспешил уйти, однако сразу получил несколько тетрадок.

Учились кто лучше, кто хуже, переходили из класса в класс, не забывая детские шалости. Но все сильнее сгущались тучи, наполненные военной грозой. Перебои с хлебом и некоторыми продуктами уже начались в 1939 году. В пятый класс пошел учиться в первом году войны в школу № 43. Жизненная обстановка резко изменилась. Учиться не хотелось, часто пропускал уроки. От истощения занемог, не до уроков. Меня не забыли. Стала посещать Тамара Николаевна Бердникова, преподаватель русского языка и литературы. Она порой приносила в кружке горячую пищу и звала в школу. Мать со слезами ее поддерживала. Пришлось закончить пятый класс.

В школе многие учителя преданно вели свое дело, несмотря на военные лишения и страдания. Запомнились завуч, учительница по математике Александра Андреевна Лапина, учителя по ботанике и географии Мария Александровна и Николай Владимирович Чекмазовы. Так, в первую военную весну под руководством Чекмазовой у школы посадили кусты, деревья, сделали грядки и на них посеяли овощи, огородили деревянным забором. Ученики поселка приходили поливать молодую растительность. Однако не дремали и уличные хулиганы. Когда осенью возвратились в школу, то увидели деревья поломанными, грядки растоптанными.

После окончания учебного года и нескольких дней отдыха нас, школьников, во главе с Т. Н. Бердниковой отправили на прополку в один из колхозов Нагайбакского района. Расселили по разным домам. Мы с Венкой Карповым из соседнего барака решили обжиться на чердаке сельсовета. Ночью ударила гроза. Темный чердак беспрерывно озарялся молниями, крыша дребезжала, внизу в комнате, словно подпрыгивая, потрескивал телефон. Что-то жуткое померещилось в стихии. Напуганные, мы не могли заснуть. Легко вспомнить, но трудно представить, как вся изба ходила ходуном, а души наши дрожали от блеска молний и раскатов грома. Конечно, больше на чердаке не ночевали.

Школьников разделили на две бригады, развернулось соревнование: кто быстрее прополет отведенное поле. Старались изо всех сил. Но однажды приехала на тарантасе председательница колхоза и вручила другой бригаде продуктовую премию. Мы обиделись и на другой день не ста-

ли работать. Пришлось председательнице и нас кое-чем порадовать.

Где бы я ни находился, не забывал о матери, старался ей чем-то помочь в трудной и голодной военной жизни. После обязательного срока прополки решил подзаработать и остался в колхозе. Меня направили на сенокос. Приучался управлять конными волокушами. На стане раскинулись две большие палатки. Одну освоили девчата со швейной фабрики, другую — ребята. Через несколько дней сильно заболел, слег, поднялась высокая температура. Освобожденный от работы лежал в палатке. Девчата постоянно заботились обо мне, но выздоровление не приходило. Решили меня отправить домой. Собрал свою котомку, направился к дороге, ведущей на центральную усадьбу. Оглянулся. Недалеко от палатки стояла девчонка, махала мне рукой и плакала.

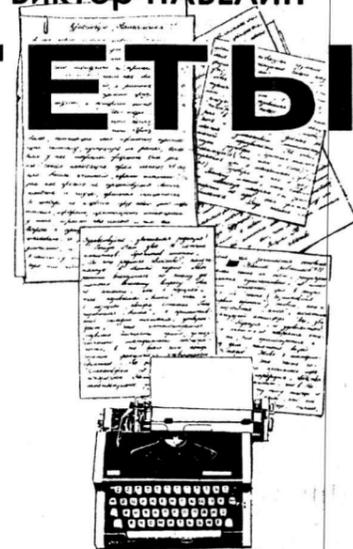
Попутным транспортом добрался до Куйбаса, а дальше пошел пешком. Устал. Смотрю, скачет в сторону города на лошади ногайбак, за ним — привязанная лошадь. Попросил меня довести. Он остановился: «Садись на ту лошадь». Еле вскарабкался. Седла не было, управлять не умел. Несколько раз упал. До боли натер крестец. Еле добрался домой и слег — не мог встать. Вот тебе и конная езда без седла. Вот тебе и благородное желание помочь матери — заработать.

Во второй год войны пошел шестиклассником в ту же школу № 43. Те же, но поредевшие группы учеников. Правда, в нашем классе появился новенький — Ковалев. Узнали, что он сын одного из начальников мельзавода (проще, мельницы, которая находилась рядом со школой). Отличался он тем, что мало собирал, имел короткую память и ежедневно приносил вкусные пирожки, которые с удовольствием проглатывал на переменах. Я не мог оставить другим такого ученика и старался из-за пирожков с ним сблизиться. Бывало, учительница спросит: «Расскажи-ка, Ковалев, стихотворение Пушкина «Туча». «Последняя туча рассеянной бури», — начинает ученик и умолкает. Забыл. Подсказываю: «Одна ты несешься по ясной лазури... «Повторяет и снова молчит. Шепчу: «Одна ты наводишь унылую тень... «и так далее.

— Ладно, Ковалев, двойку не ставлю, а завтра снова спрошу.

Он засияет радостью, а на перемене делится со мной пирожками... Помогал ему и в решении задач. Но редкие и случайные чужие пирожки не утоляли голод. Поэтому в оставшееся каникулярное время после пятого и все каникулы после шестого класса работал на метизном заводе имени Лепсе, где получал настоящую рабочую продуктовую карточку.

Зимой школу № 43 закрыли — в ней разместился госпиталь. Нас перевели в школу № 4, занятую потом под территорию метизно-металлургического завода. Распределили по разным группам, что вызвало чувство оторванности от родного ученического коллектива. Занимались, дрожа от холода. Дорога до школы была дальней, а зимой иной раз приходилось доби-

раться по снежным сугробам. При этом, к нам постоянно приставали мальчишки, жившие в землянках у плотины. В школе мало уделяли внимания дисциплине. Мы были как беспризорные: опаздывали, раньше уходили домой, а то и вовсе не приходили на уроки. Даже не представляю, как закончил шестой класс.

На новый учебный год нас зачислили в школу № 8, расположенную в Соцгороде, почти в часе ходьбы от места жительства. Но не это вызвало беспокойство. Помрачнели оттого, что ввели раздельное обучение. Непривычна была муштровка: до уроков и после выстраивались линейки, на которых зачитывали выговоры, подкрепленные моралью для всех. Мрачная, суровая обстановка тяжело действовала на меня. Большой недостаток был и в учебниках, тетрадях и других учебных принадлежностях. За это тоже строго спрашивали. Конечно, все можно было купить на базаре, да денег не имелось. Тогда в досаде написал:

*Нет учебников, нет перьев...
Что же делать знаний ради?
На базар бегу скорее:
Там у «добренских» Лукерий
По двадцаточке тетради,
В пять рублей перо*

*на зависть,
А учебник по тридцатке,
Все приборы попадалась,
Только в школе —*

*парти гладки.
Что же делать, как же быть,
Как учиться, как прожить?
Возраст мой война*

*не спешит.
Без наук — разом не дышит.
Укоряют меня в лени,
Мол, к наукам неспособный.
Где ж достать мне уму
денег,
Чтоб учеба шла спокойней?*

Я не мог привыкнуть к жесткому режиму. Имел немало двоек. Меня ставили в угол, вызывали в учительскую, пригласили мать. Интерес к школе пропал. Думал, пока не исключили, бросить учиться и пойти в ФЗО. Но прежде всего беспокоилась обо мне мать. Она добилась освобождения от спецпереселенства, и мы в морозный декабрь 1943 года переехали жить к старшему брату в поселок Верхне-Уфалейского района, где я успешно закончил седьмой класс.

(Продолжение следует)